

Панова Нона Владимировна (в дев. Дурнякина)

Корреспондент – Косинова Татьяна

04.11.2004

(Интервью записано на 2-х кассетах. Н.В. больна, в квартире ремонт, мешает говорить большая собака.)

Кассета 1, сторона А

- *Вы помните папу?*

- Мало очень. Мало.

- *А кем был папа?*

- Папа был главный механик фабрики имени Халтурина. Это сейчас прядильно-ниточный комбинат имени Кирова, по-моему, он так раньше назывался, сейчас, может, опять переименован. Он кончил Политехнический институт, он довольно-таки способный был главный механик.

- *Он родился в Петербурге?*

- Да, в Петербурге родился и даже участвовал, по-моему, в отпоре Юденича. Так и деды все родились в Петербурге. На Охтинском мосту вот даже есть таблица, там фамилия Дурнякин, это в честь Дурнякина – дядюшки моего отца, он в городской Думе был.

- *А из какой семьи ваш отец?*

- Дед был купцом, скорее, из купеческой. У него было два сына и дочка. Когда случилась революция, купцов же тоже всех поприжали. Его младшему сыну нигде не давали ни работы, ничего, он устроился пожарником. Но поскольку он все-таки из семьи-то не очень тренированной, интеллигентная семья. Что они спортом занимались? – Играли в теннис. Он упал, у него менингит случился от падения, и он умер. Папа кончил Политех, и работал на фабрике Халтурина главным механиком. У него была большая должность. А потом в один прекрасный день к нам пожаловали и забрали его. Ну, и все.

- *А вы помните этот момент?*

- Нет. Это ночью происходило как всегда, конечно, и я этот момент не помню.

- *А в чем папу обвиняли?*

- Он говорил, что все-все, чего не было, все, все на него повешено. Вот так говорил. Говорил маме, что такие пытки были – его сажали в пробковую комнату, такое он прошел. Человек заходит в комнату нормально, садится, а потом в этой комнате не хватает воздуха все больше и больше, и до тех пор, пока уже человек не теряет сознание. Так вот раз пройдет эту пробковую комнату, потом второй раз, а на третий раз, говорит, уже на себя, на себя лично готов подписать все, что угодно. Уже доводили...

- *А он был коммунистом?*

- Нет, никогда. Никогда никаким коммунистом, он был сын купца, отец – купец, и лавка была у него купеческая.

- *А чем торговал дедушка?*

- А торговал дичью, птицей, лавка была на углу Апраксина двора и улицы Ломоносова, вот такой там есть закуточек, углубление, вот он дичью там торговал. Честные были купцы, честные и интеллигентные. Энциклопедия была, и Шекспир был, и все-все-все...

- *А как он относился к большевикам?*

- О-о-о, ну, этого я не знаю. Не думаю, что... Не знаю, четыре года мне было. А потом, когда это все уже произошло, когда его забрали, так у нас вообще старались при мне даже не говорить. Ну, потому что сболтну я там что-нибудь в школе, и все время цыкали на меня.

- *А что запрещали говорить?*

- Да и даже то, что арестованный.

- Говорили, что не надо об этом говорить?

- Не надо.

- А сами вы знали, что папа арестован?

- В четыре года я не знала, но когда исполнилось семь лет, я пошла в школу, я уже знала. Потому что письма приходили. Письма приходили из Соловецкого лагеря. Я уже знала. 1937-й год – последние письма. Мне было уже восемь лет, и я уже знала.

- А мама как ко всему этому относилась?

- А мама тоже из купеческой семьи. Раньше мужчин готовили, учили. Все дяди мои, мамины братья – один художник, другой архитектор, третьему не дали доучиться, его сослали тоже, посчитали, что он сын купца. Они все служили в царской армии. Кончили коммерческое училище все более-менее образованные, и началась война. Все стали прапорщиками, не солдатами, а прапорщиками – офицеры. Офицеры Белой армии. Ну, и всех арестовали.

- Папа тоже был офицером?

- Нет, папа не был. Это мамины братья. Мама самая младшая была, а папа еще моложе мамы на десять лет. Так что тут он не попал в это офицерство. Он не был офицером. Он вообще в армии царской не был. А вот маминых братьев всех выселили в двадцать четыре часа из Петербурга.

- А в каком году это было?

- Ну, этого не могу сказать.

- Но это уже на вашей памяти?

- Ну, это я помню, меня приводили туда. Там тоже был разгром, их в двадцать четыре часа... Там все было выброшено. Мне сказали: «Выбирай, что тебе надо, игрушки какие...» Я девчонкой была. Я не могла понять, почему они уезжают. Но потом их всех простили. И сестру мамину выслали в Астрахань.

- А как ее звали?

- Клавдия Михайловна.

- А мамина девичья фамилия?

- Киржакова. Они были богатые, конечно. И у них дом был свой на улице Марата, № 80. Страшное такое время было, еще бабушка говорила: «Вот ходят, ходят по ночам, забирают всех. И к нам приходили, мы только не пустили». У них прислуга была, и кухарки были, и дворник был, хорошо им жилось.

- А как, как это – «не пустили»?

- Откуда я знаю?

- Это бабушка так рассказывала вам, да?

- Это мама рассказывала, бабушку не видела. Бабушка в 1923 году, по-моему, умерла, а я в 1929 родилась.

- А, это мама рассказывала о том, как бабушка жила?

- Да-да. О своем родительском доме рассказывала.

- А что потом, уже при вас, стало с этим домом?

- А он и сейчас стоит. Там потом сделали коммунальные квартиры большие, брат мамин, дядя Миша, там жил, он удержался, его не сослали почему-то. Там жили старшие сестры мамины, и я туда ходила, потому что мама работала, с кем меня оставить? Не с кем меня оставить. Вот я туда ходила, в этот дом, к старшим теткам своим. Ну, тяжелая жизнь была у нас, тяжелая. У меня был брат старший, на пятнадцать лет старше. Мама через пятнадцать лет второй раз вышла замуж, и родилась я. Отец моего брата, первый муж мамы, погиб на фронте в ту первую германскую войну. Ну и этот брат, который старше меня на пятнадцать лет, можно сказать, всю нагрузку взял на себя.

- Нагрузку по вашему воспитанию?

- Да. Он кончил техникум, учился в ЛИИЖТе (Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта), но он работал. Конечно, говорил: «Ах, денег нет, ну, ладно, мама, не горюй, я халтурку возьму, и как-нибудь перекантуемся». А денег нет,

значит, Шекспир – в комиссионный, люстру – в комиссионный. Вот, видите, остался буфет, вот шкаф, но в шкафу зеркало разбито, а так все продавали. Ну, а что – жить надо на что-то. Маме на работу не устроиться: жена врага народа.

- *Это ей говорили в каком году?*

- Ну, вот до войны. Да и после войны, по-моему, это было.

- *А у мамы была какая специальность?*

- Никакой. Если честно – никакой. Мама хорошо играла на рояле, учили музыке, ну, и немножко по-французски она говорила. Но кончила она гимназию Мариинскую. Для женщины тогда образование не было обязательным. Потом у нее родился вот этот мой старший брат, она одна была, муж погиб. А брат погиб во вторую войну. Вот какая судьба, да? Отец в первую войну германскую погиб, а брат вот в эту германскую войну. А с мамой – жена врага народа, кто хорошо относился, те и остались друзьями, а кто плохо – те переходили дорогу на ту сторону.

- *А при вас бывало такое, что, например, кто-то знакомый перешел на другую сторону улицы?*

- Такого не было, но не здоровались – было.

- *Не здоровались?*

- Да.

- *Соседи или какие-то знакомые?*

- Нет, вот соседи, даже по дому № 23 на Рубинштейна.

- *Дом 23 – это где вы жили?*

- Вы из «Мемориала»?

- *Да... Рубинштейна 23? Вы в этом доме прямо и жили?*

- Ну, я же говорю. Вот он и арестован был в этом же доме.

- *Квартира 65?*

- Да. Вот дед получил квартиру в этом доме, дом был от купеческого общества, на сборы купцов построен в 1911, по-моему, году.

- *Да-да.*

- И вот дед получил квартиру там, была шестикомнатная квартира. Ну, а нас загнали в одну комнату.

- *А была вся квартира ваша?*

- Да, была вся квартира.

- *А что случилось с вашим дедушкой, с отцом отца?*

- Дедушка умер, по-моему, году в 1923. У него была грудная жаба, и, в общем, он задыхался.

- *А бабушка, мама отца?*

- А мама отца вообще рано умерла, еще до дедушки, у нее случился инфаркт, наверное, говорили тогда не “инфаркт”, а “удар”. А вот от мамы был отобран паспорт. И без паспорта куда денешься? Работать никуда не устроиться. Она ходила в милицию. Там ей говорят: «Паспорт вы получите по месту работы...» (перерыв в записи, лает собака, собаку выводят) Мы на чем остановились?

- *Вы стали рассказывать о том, что у мамы отняли паспорт.*

- Да, вот она ходила в милицию и ей отвечали: “Паспорт вы получите по месту работы вашего мужа”. – «А где мой муж?» Не отвечали. И вот она так мыкалась, мыкалась, без паспорта, но денег-то надо, жить-то надо на что-то. Ну, продавали вещи, в общем, и жили на то. Потом Юра стал уже халтурить. Он талантливый был, и работал на Пролетарском заводе, и брал домашнюю работу, выполнял, так зарабатывал деньги. Он нас, можно сказать, поднял. А потом вот маме выдали паспорт. Но какими это судьбами было, она говорит, что ночевала, по неделям ночевала на Дворцовой площади. Там был паспортный какой-то отдел, вот КГБ, что ли. Они ночевали там, чтобы получить документы. И потом ей выдали документ. И куда ни сунется, на работу устроиться трудно. И вот она устроилась в артель «Лен э Мольер».

- *А что это за артель?*
- Артель делала пионерские значки, значок с факелом красили, звездочки делали на погоны, - вот это. Потом знаки различия делали. По-моему, она и сейчас существует, только она не артель уже, а завод. Там же делали разные брошки, эмалью покрытые, разрисованные. Вот их рисовал как раз дядя. Его с таким прошлым, как сына купца тоже нигде не брали. Там и сестра у нее работала, и дядя работал, там какой-то был заведующий, который как-то лояльно относился.
- *А как их называли – «лишенцы», да?*
- Нет, это я не знаю, кем называли. Мама работала браковщицей в ОТК, а дядя художником работал, и тетка художницей работала. Их учили, кто к чему способен, маму учили с юности музыке, кто рисовать мог, художником, наверное, нанимался, вот дядя с теткой были художниками.
- *А маминых родителей как звали?*
- Михаил Арсентьевич Киржаков и Клавдия Михайловна, тоже Киржакова. Все они похоронены на Волковом кладбище. И вот мы ухаживаем за этим палисадником.
- *Расскажите, а мама мама – она из какой семьи?*
- По-моему, она из такой из какой-то простой семьи. А дед, по-моему, родился здесь, в Петербурге. А мама, по-моему, из Ярославской области.
- *А скажите, в семье не было коммунистов никого?*
- Нет. Нет.
- *А как-то выражалось отношение в семье – в маминых рассказах, в тетиных, в дядиных к большевикам, к советской власти?*
- Может быть, я не знаю, при мне старались не говорить, потому что я была октябренок, и пионер, и, в общем, не знаю. Но при мне старались не говорить.
- *А в каком году вы вступили в пионеры?*
- Ну, как принимали, так и вступила. И октябренок с самого начала. Я до войны кончила четыре класса, значит, я уже была пионеркой. Значит вот в 1941-м, наверное, вступила в пионеры.
- *И с этим не было проблем никаких? Из-за того, что папа арестован?*
- Вы знаете, в школе как-то ко мне относились так преподаватели, я не знаю... Я не знаю, какой разговор у них был с мамой по поводу моей биографии. Конечно, писали биографию-то, я писала, доподлинно, что отец арестован. А вот я когда уже кончила, значит, школу, и писала, что отец арестован, это уже было в 1949 году. Я стала работать, меня устроили в 1949 году, меня нигде не брали.
- *А вы так и писали, что отец арестован?*
- Да, так и писала. Многие вралы, но вот папин товарищ, был папин товарищ Бузов, он говорил: «А чего врать? Все равно они все знают».
- *Это он так советовался с мамой?*
- Да, мне, я ходила, спрашивала: «Дядя Сережа, как мне написать биографию?! – «Пиши, - говорит, - как есть». А многие обманывали, умалчивали чего-то, я не знаю, чего писали.
- *А среди ваших знакомых были такие люди, которые скрывали такой факт?*
- Это я не знаю, кто.
- *А вы никому не рассказывали об отце, о семье?*
- А кому я могла в школе рассказывать о семье? В семье я варилась, в своей семье, а в школе девочкам что мне рассказывать?
- *А были там такие девочки, у которых родители вдруг исчезали, вдруг их не стало?*
- Не знаю. Чего не знаю, того не знаю.
- *А как вы помните это время – середину тридцатых, конец тридцатых?*
- Ну, помню, когда убили Кирова. Все, вроде, не то чтобы плакали, но траур был, и газеты были, такое тревожное время. Вот челюскинцы там были, мы ходили, их тречать. У

Казанского собора макет был, как они жили на льдине. А так я не помню... Про политику, вы сами понимаете, семь лет – что, я интересовалась политикой? - Нет.

- *А мама не говорила, что нужно быть осторожной в школе, что не надо говорить, что папа на Соловках?*

- Мне говорили: «Вообще ничего не говори».

- *А если будет прямой вопрос: «Где твой папа?»*

- Ну, такого она не говорила. Потом, я считала, что Соловки – это вообще хорошее место.

- *Да?*

- Да. Ну, я не знаю, мне так... Я не знала, что это лагерь. Мне не говорили, что он в лагере, что это лагерь заключенных.

- *А чем это было для вас?*

- Может... вот это я не помню. Может быть... Вот он писал про чаек северных...

- *[Читаю письмо, начале не было уверенности, что письма вообще дадут] «18 апреля 37-го года. Целую тебя, дорогая моя Нонночка, желаю быть здоровой и послушной девочкой. У нас уж наступила весна, прилетели чайки, я их тебе нарисовал [...].»*

- Ностальгия чувствовалась. Ностальгия чувствовалась. А это он себя рисовал.

- *1 января 37-го года, другое письмо. Дорогая и милая моя дочурка Нонночка, поздравляю тебя с Новым годом и желаю вырасти большой, здоровой, послушной. Получил от тебя письмо и картины [...]. А папа хорошо рисовал, да?*

- Ну, я не знаю, в основном, для себя, вот себя в лагере.

- *Это автопортрет?*

- Да. Ну, они же все кончили коммерческое училище, они все были достаточно образованные, языки знали, и, в какой-то степени, рисовали.

- *Можно посмотреть, да?*

- Да, конечно.

- *[читаю адрес] «Дурнякиной, Нонне Владимировне Дурнякиной, 5 февраля 37-го года, жду ответ».*

- Вот последний год, понимаете, эти все письма. А раньше не очень-то видно, разрешали писать.

- *Кем он там работал на Соловках?*

- Дороги строил, какие-то дороги. И он говорит, что очень тяжело дороги строить. У него пониженная кислотность была, он страдал желудком и, в общем, там пища ему не подходила...

- *Мама у него бывала на свидании в лагере?*

- Была. Вот этот последний год, 1937, разрешили свидания, она ездила в Кемь. И в Кеми там останавливалась. Их из Соловков привозили, на пароме. Была на свидании.

- *Что мама рассказывала о свидании вам?*

- Видела папу, он хочет тебя видеть. Так особенно ничего. ... Это мне реабилитационное не прислали, и я второй раз делала запрос.

- *Понятно. Это мамыны документы или ваши?*

- Это мое. Вот это вот мне надо... вот вы мне не подскажите, как мне заменить вот этот документ, говорят, его меняют на новый.

- *Что это у вас? А, удостоверение репрессированной, да?*

- Да. Надо поменять на новый, это, говорят, устарело.

- *Для вас это важно то, что вы признана пострадавшей от репрессий?*

- Ну, почему? Конечно, важно. Потому что, конечно, мы все пережили в какой-то степени... И то, что косо на нас смотрели, и на меня косо смотрели потом. Уже, когда выселили, нас потеснили, потом коммунист въехал в эту квартиру, по-моему, с «Треугольника» [фабрика резиновых изделий], и его жена, и они там процветали и говорили, что у тебя отец, значит, и вас сгноить надо. Вот такие вещи.

- *Это они вам так говорили?*

- Да, в лицо говорили. Они претендовали на нашу комнату, хотели, чтобы нас выселили после войны. Они вернулись из эвакуации и говорили: «А Томуське танцевать негде». Это их дочке. «Танцевать негде». А нас чтобы выселить.

- Но вас не выселили?

- Нет. Но после войны уже мама работала, уже у нее паспорт был, после войны уже, по-моему, я не знаю, по-моему, не было такого. Ну, а потом вот этот друг папин сказал, что надо тебе хлопотать реабилитацию.

- Маме сказал, да?

- Мне сказал. Мне – хлопочите реабилитацию. Но я сказала маме. Мама говорит: «Знаешь, я не могу, я не выдержу. Я столько настрадалась, столько по этим окошечкам бегала, я не могу. Если хочешь – хлопочи сама». Ну, и я пошла хлопотать. Вот, я получила. В каком году?...

- 1958.

- В 1958.

- Скажите, «хлопотать» – это в каком смысле? Нужно было написать заявление?

- О-о-о, это у меня целая такая вот была эта самая (показывает руками размер предполагаемой папки)... Я писала Ворошилову, Председателю Президиума Верховного совета Ворошилову. И вот писала, писала, писала, писала, писала, и все это с уведомлением, чтобы они мне прислали, что они получили, это у меня там целое дело было. Ну и потом вот, видите, получила.

- Почему для вас это важно было? Что-то нужно было доказать или что это для вашей биографии тоже было важно?

- Нет... Потом меня устроили уже, вот этот друг отца устроил и я уже работала. Мне надо было доказать, что он честный человек. Чтобы сняли.

- А дочерью врага народа вас часто называли?

- Да нет, так я не помню. Вот эти вот соседи говорили, что «сгноить надо». А так – не помню. Вот маму вроде называли, что «жена врага народа».

- Мама сама боялась ареста?

- Ну, в общем-то, побаивалась. Конечно.

- С вами она это обсуждала когда-нибудь?

- Нет.

- Вы говорите, что она очень много пережила, что она много страдала, она была несчастным человеком?

- Ну, у мамы характер более-менее. У нее оптимизм присутствовал в ее характере. Ну, конечно, она была, по сравнению с другими... Вот как, родители других детей, моих одноклассников, я на них смотрела, и, конечно, мама отличалась.

- А чем отличалась?

- Ну, отличалась тем, что и замотана, и такая, в общем-то, ну, видно было, тем более, что, может быть, радостные были все те родители. Как-то было это все... Не знаю.

- То есть, мама была печальной?

- Конечно. Первый муж погиб на первой гражданской войне.

- Он на гражданской войне погиб или в боях с немцами?

- Нет, он на фронте погиб, на фронте, даже он погиб где-то в Венгрии, не знаю, где. Потом ей прислали, она с послом связывалась, ей прислали его планшет, где были фотографии, с погибшего с него... А сын погиб в эту войну. Чего, у нее тяжелая жизнь. А сын погиб в эту войну, вот этот мой брат. Он был на пятом курсе ЛИИЖТа. И тогда тем, кто работал на транспорте, давали отсрочку от фронта. Потому что пятый курс они кончают и сразу, значит, идут на транспорт, на эти, на паровозы, на все. Ему давали возможность защититься. А потом он был спортсмен, лыжник, и в теннис играл. И, значит, зимой, в блокаду, в блокаду, когда уже полностью блокада была, голод был, вдруг звонок из Большого дома. И к телефону его приглашают. И там говорят, что формируется

отряд в разведку, надо лыжников в разведку. Может быть, в институте сказали, что он спортсмен-лыжник, что на фронт надо, в разведку, и он согласился. Он все время мучился. Он мучился: «Я, как бы вот отсрочка дана, я учусь...» Братья-то у него двоюродные все на фронте. «А я, – говорит, – здесь сижу». Ну, и вот когда ему предложили, он сразу согласился.

- *Вы много времени с братом проводили?*

- А, так он с нами жил все время, он не женат был, говорил: «Вот встану на ноги, кончу институт, сейчас у меня сестра и мать на моих плечах».

- *Сколько ему лет было?*

- Двадцать семь.

- *Какого он года рождения?*

- 1914. А отец его погиб, наверное, году в 1915, вот так.

- *Брат был комсомольцем?*

- Ну, этого я не знаю.

- *У него не было проблем с учебой, с поступлением в институт? Из-за вашего папы?*

- Тоже не знаю.

- *Не было проблем из-за происхождения маминного, папиного?*

- Тоже не знаю. Не знаю.

- *То есть, никогда не знали, вы случайно не слышали каких-то его рассказов, мыслей о том или маминых рассказов?*

- Нет.

- *О стране, о строе, о политике, о Сталине?*

- О Сталине... Вообще мы песни пели: «Сталин наша слава боевая, Сталин нас ведет...»

- *В школе?*

- В школе, конечно. Нет, подождите...

- *А что за песни?*

- Ну, песни о Сталине, там их, наверное, штук восемь. И все о «Сталине мудром, родном и любимом, прекрасные песни слагает народ». Ведь это самое... Потом урок начинался: «Вот, Света Сталина встает...» Про Светлану Сталину нам все время долдонили: вот она просыпается, вот она идет, вот она такая-растакая...

- *Вас это раздражало?*

- Я не знаю, я все принимала, как чистую монету, мне тоже казалось, что Света Сталина это... *(поднимает руки вверх)* То есть, сейчас бы меня раздражало, и когда я более осознала всю жизнь, и все, а тогда... Ну, что ребенку говорили в школе, то он и думал.

- *То есть, в школе вы любили Сталина?*

- Любила.

- *А мама?*

- Мама - не знаю. Вряд ли. Но вот когда победа была, в общем-то так, вроде бы, более или менее ничего стали относиться к нему.

- *А советские праздники вы отмечали дома?*

- Какие праздники? 7 ноября? Да, отмечали, потому что не работали, ну, конечно, праздник 1 мая, 1-2 мая, отмечали. Но еще мы и религиозные праздники отмечали.

- *Отмечали, да?*

- А Пасху, и Рождество. Обязательно.

- *А иконы у вас в доме были?*

- Да, очень много.

- *А не боялись соседей или каких-то там... управдома, каких-то знакомых? Как вам удалось это сохранить?*

- Не знаю, висели, как висели, так и висели, вот в нашей большой комнате, куда нас загнали. Нет, не знаю... А управдом, по-моему, к нам не заходил.

- *А вот эти соседи, которые вас хотели сгноить, они не могли донести или как-то...*

- Ну, те тоже Пасху справляли, в общем-то, семья этого коммуниста.

- *Да?*

- Да. Пасху-то делали, они куличи-то пекли на кухне. А вот то, что сгноить хотели – это точно. Говорили, мне в глаза, что «Томуське потанцевать негде, у них мало места». Три комнаты у них было. «Мало места»! И потому нас надо...

- *А у вас всего одна?*

- А у нас одна, но у нас одна большая, двадцать семь метров. Вот и «Томуське негде танцевать»...

- *«Томуська»? Тамара?*

- Тамара, да.

- *Скажите, пожалуйста, а еще кто был соседями? Если они занимали три комнаты, а вы - одну, а остальные две? Кто там жил?*

- А остальные... Понимаете, получилось так, что остальные... Папин товарищ сначала жил в нашей квартире, когда вот первый раз нас уплотнили.

(конец стороны «А» кассеты №1)

... Он туда въехал, и мама была очень рада этому. В другую комнату въехал его жены брат. Значит, вот три, четыре, пятую комнату мама сумела, когда ее могли выселить, когда паспорт отобрали, она сумела перевести на брата Юру. Что если нас выселят с мамой, значит он ни при чем, это не его отец. Она сумела эту комнату перевести на него. Значит, у Юры была своя комната. А нас с мамой вдвоем в эту комнату загнали. Ну а потом, когда Юра погиб, у нас и его комнату отобрали. Мы остались в одной комнате.

- *А окна у вас куда выходили?*

- Во двор. Ну вот ваша парадная (*НИЦ «Мемориал»*), а наша напротив, немножко в углублении, наше широкое окно на четвертом этаже. Балкон был, сейчас там все эти балконы обрублены. Наташа там, она еврейка была, и они уехали все, по-моему, и Наталья, по-моему, уже исчезла, уехала в Германию, а у нее прямо окна на нас.

- *Это подруга Ваша?*

- Знакомая скорее.

- *А в какой школе вы учились?*

- На Фонтанке, 62, первая школа была. А потом перевели ее на Марии Ульяновой, на Пролетарскую, угол Фонтанки и Пролетарского [*переулка*]. Теперь уже это Графский переулок. Там было раньше Петровское училище. У нас все дядюшки кончили Петровское коммерческое мужское училище. И у папы есть большой диплом вот этого Петровского училища.

- *Он сохранился?*

- Да, сохранился. Но сейчас показать вам не могу.

- *А фотографии какие-нибудь сохранились?*

- Фотографии есть, конечно, семейные, есть большие, вся вот эта мамина семья и все большие фотографии, но сейчас у нас, вы видите, все в ту комнату перетащено, все задвинуто из-за ремонта.

- *Ну, расскажите еще, пожалуйста, о школе. Вот вы начали говорить, что учителя некоторые как-то так на вас смотрели... Как они смотрели?*

- Ну, да. Как-то к первому мая подготовка была. Мне хотелось же вложить свой труд в подготовку к первому мая. Специально ездили с мамой за город за каким-то лапником, это ветки елки, вот как бы украшать. И я старалась, я там все делала. А когда я принесла, мне сказали: «А мы тебя не приглашали».

- *На первое мая?*

- А я говорю: «Ну как же? Я вот привезла сюда все это» – «Ну, ладно». Вот были такие какие-то мелочи, может быть.

- А кто говорил «мы тебя не приглашали»? Учительница?

- Да. Воспитательница у нас была. Класная.

- Но в пионеры вы вступили без проблем?

- Без проблем. По-моему, без проблем.

- А в комсомол вступили?

- Вступила.

- Тоже в школе?

- Нет, уже на работе. И тоже, вроде бы, без проблем.

- А о папе говорили, да?

- Ну, о папе я ничего... Когда в комсомол подаешь документы, по-моему, там ничего... я не знаю, когда в комсомол вступаешь, чего там какие, да? Или выдвигает сам комитет...

- Заявление нужно, биографию, рассказать, написать.

- Ну, очевидно, я писала. Я писала все так, как есть, я ничего не скрывала, что отец арестован. Это же тут уже, на пенсии, когда на пенсию меня проводили, и потом, когда я устраивалась уже на пенсии на Завод штурманских приборов, я тоже говорила, что у меня отец арестован и реабилитирован.

- А в каком году вы вышли на пенсию?

- В 1965, наверное. Нет, почему, да что я говорю ерунду – в шестьдесят пять лет. А в каком году это было?

- В 1994.

- Да, наверное. Ну, вот я, меня устроил это там папин товарищ, устроил в конструкторский отдел, я устроилась чертежницей и так я всю жизнь проработала. Вот у того начальника, к которому он меня привел, так я у него всю жизнь и проработала.

- А в институт не поступали?

- Нет. Я пыталась, но там опять чего-то такое, чего-то я услышала, что не очень и не стала поступать. Я практик, я инженер, дослужилась. Я уже выходила на пенсию старшим инженером. Но я практик. Достаточно у меня работала мозга моя, я фантазировать люблю, и вот это все я как-то, понимаете, было, все эти проекции, все это для меня легко было. Но потом мне начальник велел «ликвидировать свою серость», как он сказал, и я окончила институт метрологии. Там повышение квалификации дают, окончила курс стандартизации и метрологии.

- У кого вы занимались, не помните?

- Ой, нет. Но это уже, это уже я, уже я, слава Богу, была взрослая, я уже замужем, уже дочка была. Это в год, когда было землетрясение в Ташкенте. Я сидела за этим столом, писала реферат, у нас защита была. Мне надо было повисить перед пенсией зарплату. Тогда же мало получали инженеры. И моему начальнику нужен был какой-то оправдательный документ, чтобы повисить.

- Скажите, Нонна Владимировна, вот были какие-то события, которые влияли на ваши взгляды? Сильно поменяли их?

- Воззвание было Хрущева – вот это. Когда нам немножко приоткрыли глаза. Мы же все принимали за чистую монету. Может быть, родители не все принимали за чистую монету, а мы-то все принимали за чистую монету. Ну, потом возвращались многие наши родственники. Собственно говоря, вращались-то мы в кругу семьи, у нас был купец дед и еще такие, довольно-таки состоятельные семьи. Дядя Сережа вернулся – его тоже арестовывали.

- Мамин брат?

- Нет, маминого брата жены брат. Он уже умер. Вот его арестовали. И он потом по Литейному [проспекту] не ходил. Когда ему говорили адрес «Литейный проспект», он говорил: «Нет, я туда не хожу». Вот такое на него этот Большой дом оставил впечатление,

потому что, он говорил, часами, сутками они стояли, ноги отекали, ноги делались багрово-красные, и потом подходили эти и били по ногам. Кровь шла фонтаном. Вот это дядя Сережа рассказывал.

- *А откуда он вернулся?*

- Вот, он оттуда и вернулся, он там же и был, его никуда и не высылали. Наверное, где-то в подвалах на Литейном, может быть, я не знаю, где это все происходило.

- *А вы ходили к нему в гости? Когда вы это слышали?*

- Нет, ну когда, например, Новый год, Рождество – встречали же.

- *У вас или вы куда-то ходили с мамой?*

- Ходили туда, в киржачковский дом, вот в эту большую квартиру...

- *А они так и осталась своей квартирой, не уплотнили?*

- Их уплотнили, их каждого по комнате загнали. Каждый по комнате, раньше же весь дом был, а теперь каждый по комнате загнали, в каждой комнате жил один брат, другой брат, вот мы туда и ходили. Большая семья, у бабушки одиннадцать человек взрослых детей было. Они уже имели детей своих. А дядя Боря, его выслали тоже.

- *Дядя Боря – это мамин брат?*

- Это мамин брат, дядя Боря, он был выслан. Блестящий офицер был, прапорщик, я не знаю, но он красивый был и выправка у него, и вообще он интересный. И он был музыке обучен, очень хорошо имел играть... Их в двадцать четыре часа выслали. И там он пас овец. В Актюбинске, в Актюбинской области, куда-то туда. Ему там не подходил климат, у него получилась грудная жаба или, как сейчас говорят, астма [*грудной жабой называли стенокардию- Т.К.*]. И он писал много, им разрешили потом сюда переехать и жить под Тихвином, ой, город, забыла, как называется. В общем, он там и умер. Уже заработал, как бы сказать, себе все.

- *То есть, пятидесятые годы были временем возвращения родственников каких-то, знакомых? И временем, когда «глаза стали открываться»?*

- Наверное. Когда во время Хрущева это воззвание было, никто же особенно-то и не думал, я не знаю, может, наши взрослые, но не я.

- *А были какие-то запрещенные в доме темы? Ну, например, нельзя говорить о том-то, о том-то?*

- На меня другой раз цыкали, чего-нибудь цыкали...

- *А за что цыкали? Что было не так?*

- Ну, «ничего не говори!», «молчи там, что Богу молишься, что учат меня креститься, не говори!»

- *А кто учил креститься?*

- У меня крестная, и тетки – все верующие.

- *А крестная – это родственница?*

- Нет, в какой-то степени. Крестная моя – жена маминого племянника. То есть меня и в церковь водили...

- *А в какую?*

- В какую? Сейчас скажу... На Пестеля. Преображенский собор? Вот на Пестеля. А потом еще, по-моему, к Николе морскому водили. А вообще они, Киржачковы, староверы. У них же раньше молельная при доме была. Они не ходили в церковь. Ну, а потом, когда это все случилось, то вот мама уже стала в православную церковь ходить.

- *Это все – это в 1930 годы?*

- Ну, наверное, до войны уже, да.

- *А мама как крестилась: двумя перстами или тремя?*

- Мама, наверное, так еще крестилась (*показывает два пальца*), меня уже тетки учили вот так (*показывает два пальца*), а крестная учила так (*показывает три пальца*). Так я и не знала, как креститься. Сейчас вот как этот, папа римский – вообще вот так вот, он благословляет. Вот так как-то (*показывает*).

- *А сейчас для вас это насколько важно?*

- Да, я верующая, я верующая и я и молюсь, и молюсь и за дочку, и за благополучие, как бы сказать, и о здоровье о своем, да, молюсь.

- *И праздники какие-то соблюдаете, да?*

- Ну, праздники все – Пасху, и вот сегодня и день, сегодня день Казанской Божьей Матери. А Казанская – вы знаете, вы слышали вот передачу была тут на днях? Казанская спасла, в общем-то, Россию. Вот когда была смута, Лже-Дмитрий и все-все эти поляки, там вообще вроде все развалилось, голод, ели людей, и чуть ли не тридцать самозванцев было, и Минин и Пожарский собрали войско и с иконой Казанской... (перерыв в записи) Депутаты предложили не праздник революции отмечать, а четвертое ноября, сегодня, как прекращение смуты и вообще день Казанской божьей матери, спасительницы России.

- *Скажите, а вы когда перестали отмечать 7 ноября как праздник?*

- А мы все время отмечали, вот теперь уже как-то стали пропускать. Ну, во-первых, для нас это было праздником – ходили на демонстрацию.

- *Мама тоже ходила?*

- Ну, когда за руку со мной – ходила, а потом, наверное, не ходила. А вообще вот всегда на демонстрацию, потом Юра придет с демонстрации, всегда пирог с капустой, праздничный обед. Всегда. Но это, в основном, первого мая, а седьмого я не помню – бывали демонстрации? Бывали? Седьмого я не помню, а в основном первого мая. Такое настроение приподнятое.

- *А мама никогда не говорила о коммунистах, о большевиках что-нибудь?*

- Говорила. Когда, это я не помню. В общем-то, они возмущались очень многими фактами, которые видели. Во-первых, был Храм на водах где-то в районе Новой Голландии. Его взорвали по распоряжению Кирова. А этот храм был увешан досками, дубовые доски были. И на дубовых этих досках были вырезаны все фамилии матросов, погибших в японскую войну. И вот они возмущались, что на этих досках, они потом видели, мясники рубят мясо. Дубовые доски, большие, толстые. На этих досках, где вот эти вот герои все войны японской, мясники рубят мясо. В магазинах. Возмущались, что все разграблено, во-первых, сколько было драгоценностей – все разграблено в Казанском соборе, там венки были, в Петропавловке были, когда умирал царь, все же, понимаете, все послы, все приезжали, все венки, все драгоценностями, все натуральные камни, все... А сейчас же что – голые стены. Все же это разграблено. Возмущались... много чему возмущались. В Павловске мы жили на даче, там была арка такая, в которой стояла, вернее сидела скульптура императрицы Марии Федоровны, как бы хозяйки этого парка. Ее выкинули. Выкинули неизвестно куда, а в арке дули концерты эстрады. Вовсю. А потом, кажется, когда был де Голль, а он давно приезжал к нам, и с женой, а жена вроде бы какие-то корни у нее есть в России, она сказала, что тут же должна была стоять Мария Федоровна. И поставили. Возмущались, что все попирают, церкви, взорвали церковь Знамения, где метро Восстания.

- *А это вы еще помните, эту церковь?*

- Да. Церковь эту помню.

- *Вас туда водили?*

- Может быть, помню, белая такая была. Еще помню церковь, которая была на углу Стремянной и Марата. Сейчас там сделали баню. А у нас еще родственник есть, Захаров такой, он архитектор. Его царское правительство направило в Америку. Много есть домов по его проектам, в районе Бронницкой улицы, Клинского проспекта. И вот царское правительство его направило в Америку учиться строить небоскребы. В Чикаго получилось так, что сразу нельзя поступить учиться, надо подать какую-то работу на конкурс. И если он займет надлежащее место, то тогда возьмут учиться в институт. Он сколотил какое-то КБ [*конструкторское бюро*] небольшое, и проект срочно какой-то сделал, и подал. Проект его получил вторую премию, значит, он проходил на эти курсы небоскребов. Премию он успел получить, а тут революция, и уже небоскребы никому не нужны. Но им там уже заинтересовались, у него там есть заказы, и он там остался, этот

дядя Леша. И так всю жизнь прожил, не женился. А потом написал завещание. Переписываться с ним боялись, с ним никто не переписывался, как бы и племянники здесь были, и все – отказывались. А у него там какое-то наследство было, и это наследство он завещал... Они жили в Ижоре, у его отца был в Ижоре кирпичный завод. Как бы отец кирпичи делал, а он из этих кирпичей строил дома. Так вот он это завещание свое не племянникам, поскольку никто не отвечает, а завещал, чтобы в Ижоре построили парк какой-то и лодочную станцию, и теннисные корты, все описано в завещании. И вот эти деньги сюда перевести следует. Урна с прахом пришла сюда. Но деньги... никто не может сказать, что с деньгами. А эти племянники уже в возрасте были, и последний племянник умер весной в этом году, ему было девяносто лет. Но они не очень интересовались всем этим. Я говорю: «Почему вы не хотите как следует все это сделать? Куда деньги-то делись?» А там все равно не добьешься ничего. ни от кого. Вот так. А урну прислали. Ну, урну они захоронили в Усть-Ижоре, на родной земле, как он завещал. И все. А еще у папы была сестра. Вот этот брат, Борис, Владимир и сестра была, Зоя. У этой Зои муж каким-то образом оказался в Париже. И в Париже его застала революция. У Зои с мужем уже родился сын, пять лет ему. И тут революция. И он тетю Зою вызвал в Париж, тетя Зоя туда уехала, поскольку тут начали зажимать. Вот папа говорил, что тетя Зоя ему тоже очень много навредила. Ну, сестра за границей – так это ж, значит, шпионка. А они там жили-жили, и война была, и все они в Париже пережили. А Зоя привезла из России пятилетнего сына в 1923 году, он вырос уже в 1941, и там еще сын родился, он жив сейчас, на год старше меня. Париж был сдан без единого выстрела, дымовая завеса только была. Приходит однажды к ним из немецкой комендатуры или, я не знаю, там откуда, говорит: «Антонов?» - «Да, Антонов». – «У тебя два сына? Пускай они идут в армию». Но они же все патриоты своей родины. Он сказал, что против русских я своих сыновей не пушу. «Они русские, и мы против русских не пойдём. Не пушу». Ну, у нас бы так ответили, так жили бы на Колыме, в два счета и тебя, и сыновей, и всех бы отправили. Ну, тогда сказали ему, что если ты непустишь, тогда они пускай идут в лагерь трудовой. Вот старшего сына забрали и младшего забрали. Ну, младшего где-то там в Париже он, чего-то там делал, в лагере был заключенных. А старшего сына отправили в Бельгию в лагерь, не в такой, как военнопленных лагерь, может быть, погуманнее. Но он интересный молодой человек был, приглянулся какой-то бельгийке, она ему стала передачи носить, у них роман получился, и он женился на ней. Так он там и остался в Бельгии. Он несколько раз сюда приезжал, а сейчас он умер, но жена его еще жива. У него дочери там есть. А младший сын с семьей в Париже был. А в Париже потом у них распоряжение такое: вы давно живете, так, пожалуйста, или принимайте французское подданство, или отправляйтесь на родину. Ну, они же патриоты. «Нет, мы не французы! Подданства никакого мы принимать не будем!» Они все вернулись сюда. В Ленинграде им не разрешили жить, предложили какие-то города, в общем, они выбрали Уфу. Уфа – это столица Башкирии. Эта папина сестра с мужем и с младшим сыном в Уфе. Теперь уже и муж, и сестра умерли, остался вот этот мой двоюродный брат в Уфе. Уже у них в Уфе и дети, и внуки, уже они уфимцы... Но приезжают иногда ко мне в гости.

- Когда они вернулись? Сразу после войны?

- Не в сороковые, уже в пятидесятые.

- В лагеря они не попали? Вот здесь, в России?

- Они не попали, нет, нет. Здесь, в России они не были в лагере, просто им не разрешили жить там, где они хотят.

- А вы свою тетю Зою видели?

- Да, она приезжала. Им плохо было сначала, чего-то там не давали, и условия плохие, без канализации чего-то дали, в каком-то деревянном доме. Я говорю: «Тетя Зоя, вы жалеете, что вернулись?» Они могли же остаться. Она говорит: «Нет». Ей надо было русские могилы, русские березки, нет, она не жалеет. А Даниил привез с собой жену, француженку.

- *Сын?*

- Да, вот этот младший. Нина, она помесь какая-то, не то мать француженка, а кто-то русский. А Нина, вроде, жалела. Нина по натуре француженка. Вот она приезжает: «Что мы будем к обеду, какое вино мы будем покупать?» А у нас не принято к обеду вино. Что, каждый день к обеду вино? Да дело-то в том, что он разошелся с этой Ниной потом. И Нина сказала: «Ах, меня муж оставил (влюбился в другую, в русскую учительницу этот Даниил), и я не устроена, квартиры нет, я тогда уеду к своим». У нее еще мать была там жива. Ей дали быстренько квартиру и устроили на работу, и все дела. Она в этом смысле молодец. Она французским владеет в совершенстве, кончила заочно французский факультет московского Университета и в Уфе работала с аспирантами, французский язык вела. Сейчас-то она уже на пенсии.

- *Она жива?*

- Да.

- *Так и живет в Уфе?*

- Да, в Уфе. Они все уже стали уфимцами. Но зато «русские березки».

- *А смерть Сталина вы помните?*

- Помню. Все, вроде, горевали.

- *И вы горевали?*

- Ну, естественно. Я же была комсомолка. Конечно.

- *А как горевали?*

- Да не знаю, как. Плакать не плакали, но, во всяком случае, думали, что дальше будет? Кто говорил в народе-то: слава Богу.

- *А кто говорил?*

- Ну, кто? Это сейчас я даже... не родственники. Не знаю, мы, по-моему, не знали, что будет с нами. Вы знаете, даже некоторые чуть не погибли во время прощания со Сталиным.

- *Как мама переживала смерть Сталина?*

- Никак. По-моему, никак. Особенно никак.

- *То есть, она не плакала?*

- Нет, никто не плакал. Из наших никто не плакал. Ну, так вот, не знали, чего будет. Что мы тогда знали? Мы даже не знали ни жен, никого же мы не знали. То есть, железный занавес был, буквально железный занавес.

- *А не говорила мама, что дочка, чтобы сделать карьеру, тебе надо стать коммунисткой обязательно?*

- Нет. Это я говорила кому-то из своих подруг. Я говорю: сейчас только для коммунистов и открыта дорога. Кто-то собирался вступать в партию. Я говорю: ну, конечно, надо вступать. Ну, и действительно было тогда...

- *А сами вы не жалели, что не вступили?*

- А мне никто не предлагал, и я вообще не собиралась. Наверное, по убеждениям не собиралась.

- *А скажите, вы доверяли людям? Или боялись, наоборот, доверять людям?*

- Нет, я вообще шляпа, доверяю людям. И вообще шляпа. Да. По жизни...

- *Это вы сами про себя так думаете, или кто-то вам говорил, что...*

- Нет, это я сама по себе знаю, зачем же я, собственно говоря, вот раскрыла как-то душу, не надо было. Надо было осторожней быть.

- *А были случаи, когда вы жалели, например, о своей открытости?*

- Да, собственно говоря, особенно мне напортить не могли. Может быть, жалела так, в душе, а особенно испортить-то мне не могли уже жизнь. Реабилитация у меня была, потом я вышла замуж, у меня муж был член партии.

- *Да?*

- Ну, конечно. Я вышла замуж, он кончил Дзержинку (высшее военно-морское училище для офицеров-подводников), на последнем курсе уже участвовал на фронте, он

1923 года рождения. Ну, был в армии, да еще человек, окончивший Дзержинку, - конечно, все же партийные. Он у меня заслуженный, ветеран трех флотов – Северного, Тихоокеанского и Черноморского. Подводник он. Так что он без единой царапины, но психически расстроенный, нервы никуда. Все они и горели, и утюжили, и транспорт немецкий утюжили над ним в Черном море. Если будут что-нибудь показывать, он всегда плакал. Причем говорит, что все кино, которое у нас показывают про подводников, все – неправда ... (перерыв: окончилась 1-я кассета)

Кассета 2, сторона А

- *А муж знал, что отец был на Соловках?*

- Да, знал, конечно. Нет, вы в смысле, не отрекся бы он меня?

- Да.

- Нет.

- *Для него это не было препятствием?*

- Нет.

- *А вы сразу ему об этом сказали?*

- Этого я не помню.

- *А в каком году вы вышли замуж?*

- Сорок лет, сорок два года когда ему исполнилось.

- *В 1965 году?*

- Да.

- *То есть, отец уже был реабилитирован?*

- Да.

- *И уже не было проблемы. А у мужа родственники были какие-нибудь репрессированные?*

- Нет. У него отец был начальник пятой ГЭС в Уткиной заводи... Не было у него никого репрессированного.

- *А скажите, пожалуйста, вы помните, например, моменты какого-то особого страха в жизни?*

- Ну, это чисто такое... Когда я в лесу жила, ну, в этом году. Но это не особый страх. Особый страх был, когда бомбили. Мы с мамой в блокаду, тогда только-только началась блокада, и еще голода такого не было, но были карточки, и еще по карточкам можно было получить пирожные по сахарным талонам. И вот как раз напротив Рубинштейна сейчас есть там кондитерская? Магазин-кондитерская? Нет?

- *На Невском?*

- Да, на Невском, конфеты.

- *А, на углу Литейного?*

- Ну, не угол Литейного, а прямо против Рубинштейна.

- *Нет, там нет.*

- А была там. И вот в этом магазине напротив Рубинштейна, мы пошли в этот магазин. Встали в очередь. Очередь на улице, на Невском. Началась тревога, все с улицы, всех разгоняют, чтобы все в дома, укрылись в домах. Налет. И мы в подворотню забежали, в подворотню очень дуло. Мы пошли вперед, к Аничковому мосту, и там этот дом, сейчас вот он восстановлен. Вы знаете этот дом, восстановленный?

- Да.

- Против Белосельских-Белозерских. Он же был разбомблен весь. Вы помните? Нет, вы не помните...

- *Я знаю, что он был разбомблен, потому что в этом доме была гимназия до революции, он меня интересовал.*

- Я не знаю, что было до революции, но колоссальные вот эти двери двухстворчатые – разве в нем была гимназия?

- Да, во дворе.

- Может быть. Вот мы зашли в эту дверь. И зенитки бьют, так бьют все время, небо голубое, прямо с голубого неба... И я смотрю, прильнула к дверям, к стеклу – вот, летят. Три, три и три. У-у-у, немецкие юнкерсы, тяжелые. И вот вокруг них зенитки, оттуда-то бьют ужасно! Мама говорит: «Ты знаешь, я не могу здесь стоять. Я не могу...» Ну, страшно. Потому что зенитки на этом же здании были. Она говорит: «Я ухожу, ухожу в бомбоубежище». Ну, я, конечно: «Вот! Ты как всегда! Ты опять! Ты уходишь! А я никуда не пойду, я остаюсь здесь!» Мне-то одиннадцать лет. А она говорит: «Ну, если ты не уходишь, то я одна ухожу». А там вход с Невского и еще проход во двор был. И она уходит во двор. Ну, мама ушла, конечно, я за ней потащила. Во дворе бомбоубежище. И вот только-только мы в бомбоубежище вошли – дом подпрыгнул, подпрыгнул. Попала бомба фугасная. В бомбоубежище потащились с верхних этажей, переполох, тут дым от взрыва, пыль, вот это все... Значит, потащились с узлами в это бомбоубежище, стали захиваться. Там началась давка, начали орать, что давят. Я после этого толпы не могу переносить. Ну, ощущение, что меня раздавят. Если упадешь – моментально раздавят, народ совершенно обезумел. Не знаю, как мы оттуда выбрались. Уже мороз был, вода начала корочкой покрываться. И мы выбежали на Фонтанку, нас выпустили с той стороны, где потом были туалеты.

- Я знаю, где они были.

- Сказали – идите, только туда, к цирку, и через тот мост. Но нам-то надо к Пяти углам, дом 23 по Рудинштейна. Мама говорит: «Ну, куда же мы туда пойдем? Это же нам совсем не по пути...» Умолила этого пожарника... Тут уже пожарные съехались... Умолила мама пожарника. «Ну, идите, ладно, только по той стороне Фонтанки». Где Дворец пионеров, вот по той стороне. Мы пошли, переходить стали по Аничковому мосту. Коней не было, кони были спрятаны. И обернулись – парадной этой нет. Вместо парадной – дыра. Это буквально было пять минут, как мы ушли из этой парадной. Представляете? Ангел-хранитель, наверное, все-таки есть. И у меня, и у мамы.

- Главным образом, у мамы. Мамин сильней...

- Да, мамин сильней, как получается по Вашему рассказу. А что мама сказала, помните? Сказала что-нибудь на это мама?

- Да мы вообще обе обезумели, обе обезумели. Прибежали вот с такими глазами – попали под бомбежку.

- А во Дворец пионеров вы не ходили?

- Ходила. Ну, как же? Во Дворец пионеров ходили все, потому что голод был, еще голодное время было. А там после кружков давали стакан молока, яйцо, может, было, давали. И мы все записались в хор, все пели в хоре. Школа у нас напротив, на Пролетарском [переулке], на углу. Во Дворец пионеров ходили все время.

- Именно там вы пели песни про Сталина, да? В этом хоре?

- Ну, да, если по школьной программе это, то и в школе пели. И там пели песни о Сталине. Мы там выступали. А выступали как? У нас был театр в конце сада отдыха, там был зеленый театр, такой, не помните?

- Сад отдыха – это при Аничковом дворце?

- Да-да-да, с той стороны, ну вот, со стороны Екатерининского садика. А в Екатерининском садике мы сажали свеклу.

- Во время блокады?

- Да. И с той стороны Екатерининского садика был зеленый театр. С шести часов вечера там уже нас не пускали, а до шести часов это наш был театр. Постановки там делались. Сеприцкий, композитор, потом, Байсбрем там, вот эти... Евреев было полно в городе, потому что, немцы-то шли, видимо. Они все теснили, теснили, они все, все сгущались – полно было. Сейчас они все разъехались. Едешь в метро, я смотрю – так не очень часто встречаются, чаще на телевизоре. А раньше было полно, у нас в классе было полно евреев.

- *А вы их всегда видели, отличали как-то или как?*
- *Вот Юра у нас их не любил.*
- *Юра – ваш брат?*
- *Да.*
- *Не любил, не любил евреев?*
- *Нет.*
- *Почему?*
- *Не знаю. Не любил. Но... приятель у него был, Абрам – еврей. Ну, он говорит, он вообще вне конкурса, этот еврей Абрам.*
- *А мама как относилась к евреям?*
- *По-разному. А разные люди евреи, как и все. Сама мама очень была похожа на еврейку.*
- *Да?*
- *Очень. А я вот тоже, говорят, похожа. Похожа?*
- *Я не знаю, возможно. А какой натуральный цвет Ваших волос?*
- *Каштановые, вот такие, как у вас, если у вас не крашенные.*
- *Ну, в общем, я бы сказала, что да, похожа.*
- *Ну вот, а сейчас вот меня дочка покрасила. Принудительным образом. Вот такое со мной было. А еще мы потом работали в блокаду, школа наша работала на огороде, на полях в совхозе. И мы кончали занятия раньше и потом работали на грядках. Получила медаль, мы получили за работу в совхозе. Медаль «За оборону Ленинграда». По двенадцать часов мы работали, у нас один был выходной. И работали мы на Охте, дальше даже, и вот, я помню, мы шли. Обстрел был в городе, ужасный обстрел. Уже весна, уже немцы чувствовали, что они здесь не задержатся, и, как бы сказать, вот весь этот запас снарядов они долбали по городу все время. Стремилась выпустить весь запас снарядов. Обычно мы ездили трамваем, трамвай № 12 был, остановка за мостом Петра Великого, подкидыш не ходил. Трамваи уже не шли, потому что был обстрел города. Но мы же идем домой, в воскресенье, нас уже ничто остановить не может. И мы перли пешком. Но когда мы пересекли мост через Неву – боже, весь город стоял в розовой пыли! Ну, пыль от кирпича розовая, когда снаряд попадает, эта вот пыль. И вот мы шли по Суворовскому проспекту и плевали. А плевки, знаете, у нас кровавые, потому что смесь на губах этой кирпичной пыли. Когда я пришла домой, мама так и ахнула: «Господи!.. Я-то думаю, какое счастье, что ты где-то там, не в городе!» А он лупит по центру. Ну вот, дошли, ничего. (перерыв в записи из-за собаки)*
- *Папины письма с Соловков?*
- *Да.*
- *Это все, несколько писем всего несколько писем? А вот в первые годы, после 1933 он не писал?*
- *А тогда вообще переписки не было...*
- *Можно посмотреть? Это какие-то документы, да?*
- *Да, это может быть...*
- *«Доктор, вы наш избавитель...» Кукла. Это что?*
- *Это не то.*
- *А вот среди этих? Это Ваши бумаги?*
- *Это все мое...*
- *А вы не писали воспоминания?*
- *Нет.*
- *А мама?*
- *Это мои...*
- *Это аттестат зрелости...*
- *Да.*
- *Дурнякина Нона Владимировна.*

- Это я уже кончала школу рабочей молодежи.

- *Нона Владимировна, это ваше имя. Нона – это кто вам дал и в честь кого вы названы?*

- Ни в честь никого. Меня хотели назвать Инной, меня хотели назвать Инной. Но раньше же крестили дома. Инна и Римма – это, оказывается, мужские имена. Вот вы не знали? Инна и Римма – это мужские имена. А мужские имена, священник сказал, что нет, не могу я крестить, вот созвучное имя есть Нонна, мать Андрея-Богослова, есть такой святой. «Могу посоветовать Нону» – священник сказал.

- *А крестили вас дома прямо, да?*

- Да. Мама говорит Владимиру, отцу моему, что так вот получилось. А он говорит: ну, давай. Вот так я это имя получила.

- *А папа тоже был верующим?*

- А тогда все были верующие. Тогда неверующих не было.

- *Ну как, атеистическая компания была такая мощная...*

- Ну, это какая атеистическая? Вот эти самые народовольцы? Народовольцы, да, все атеисты они были. Ну так что? Не очень хорошо. Какое же государство может быть без религии, без церкви, без веры? – Нету государства.

- *Нонна Владимировна, можно я вас сфотографирую?*

- Ой, не надо...

- *Да я только для архива, это не будет нигде публиковаться.*

- Нет-нет, не надо, не надо, я плохо выгляжу, я больной человек... Нет.

- *На память.*

- Нет. Собачку можете.

- *Собачку? Собачку сниму. А с вами собачку? А потом вам подарю.*

- Да ну, вы меня выставите еще там на доске...

- *На какой доске?*

- Там у вас есть какая-то выставка...

- *Нет, на выставке не буду, если только ту, где вы молодая, красивая.*

- Я так-то не очень, не обижаюсь, потому что у меня есть медаль «За оборону», я участник войны, так что пенсия у меня неплохая, у меня сейчас четыре тысячи двести рублей пенсия. Это не так уж и мало, не каждый сейчас получает столько. Таня, не снимайте меня.

- *Все, последний раз.*

- Не снимайте. Я хочу сказать, у меня не так уж и мало, мне грех обижаться.

- *Ну, конечно.*

- Вот, а в смысле вот здоровья у меня... мне очень плохо. Здоровье, конечно, в блокаду потеряно. И вообще вот мы жили в тридцатые и дальше годы, мы жили не так, как вот все остальные. Мы гораздо скромнее жили. Потому что денег-то не было. Юра один работал. Потом мама одна работала. Ну что она много получала? Она немного получала.

- *А вот тяжело стало жить после того, как отца арестовали, да?*

- Ну, естественно, при отце у нас была, все-таки... У меня няня была... Когда меня вызвали в Большой дом после того, как я получила реабилитацию, следователь говорит мне: «Вы можете назвать людей, которые знают вашего отца? Не родственников?» Вот я говорила: Шура. Няня была у меня.

- *Она жива еще была в то время?*

- Да, была еще, в то время она была еще жива, сейчас, конечно, уже нет.

- *А она была с вами связана после ареста? Где она жила? В Ленинграде тоже?*

- Да. Она из деревни, по-моему, откуда-то...

- *Вы помните то время, когда папа еще был дома? Самые ранние детские воспоминания, какие у вас они? Папу помните?*

- Тоже плохо. Ну, помню, что вот ездили мы, по-моему, все время куда-то ездили – на иллюминации или на салют какой-то был тогда на Неве. На Неву ездили. Я чего-то плакала, боялась... Плохо помню.

- *Боялись салюта?*

- Ну, боялась много... толпы, народу. Я и сейчас боюсь. После того, как в бомбоубежище в этом давили, у меня перед толпой панический ужас.

- *А мама что рассказывала о совместной жизни, о папе?*

- Ну, о папе только хорошее, потому что он был счастлив. И в совместной жизни они были счастливы, и он мечтал о ребенке... Вот он жил, была тетя Зоя, была мать у него, отец, Зоя уехала, брат-пожарник, погиб, он один остался. Так что он был счастлив, обретя семью. Ну, вот... не получилось.

- *А сколько они вместе прожили? В каком году они поженились? Вы не знаете?*

- Если я 1929 года, значит, они поженились в 1928. И в 1933 его забрали. Вот, сколько прожили, вот столько и прожили.

- *А вот были письма, и вдруг они прекратились - что вы думали? Почему папа не пишет? Почему он перестал писать?*

- Сначала не было писем. Потом он стал писать. А потом вот видите, чем все кончилось. А последнее письмо 1937 год, вот какое последнее, я не знаю. Потом мама сделала запрос, сказано: услан в дальние лагеря и без права переписки с семьей. Ну, так мы и верили. Мы же не знали, что это расстрел. А это расстрел значит.

- *А когда вы узнали, что он расстрелян?*

- А когда узнали? А совсем вот недавно, даже после того, как получила реабилитацию.

- *У меня еще такой вот вопрос: а сильно отличалась домашняя обстановка от, например, обстановки в школе? Вам приходилось вести двойную жизнь как бы?*

- Нет.

- *Скрывать что-то, или, наоборот, что-то не показывать?*

- Нет, ну... что-то не показывать? То, что я крещусь, я не показывала. То, что богу меня заставляют на ночь молиться, конечно, я не говорила.

- *Заставляли или вы сами молились?*

- Мне говорили, что надо молиться, ну, значит, я и молилась. А если что-то при мне скажут, то тогда говорили: молчи, не говори, цыц. Не вздумай это в школе сказать.

- *А что именно говорили?*

- Ну, это я уж не помню, что там было... Видели же, у нас неглупые люди, интеллигенты все, видели, что делается. Разрубают на памятных досках мясо. Когда в японскую войну погибали эскадры, дед плакал, мама говорит. Жалко было. Семья была такая, патриотичная. Это теперь все попрали родину, и все бросились за границу. Я тебе уже говорила про тетю Зою, как она счастлива русским березкам. Вот так.

- *А то, что город назвали именем Ленина – к этому как относились?*

- Вот это я уж не знаю, я-то уже как бы ленинградка, так и была, и у меня в крови. А как для них? – Тяжело, наверное, это было для них, для мамы. А теперь я рада, что переименовали, я вообще считаю, что надо его скорее похоронить.

- *А мама что-нибудь говорила о Ленине?*

- Мама моя видела Ленина. Мама такая легкая на подъем. Видела его, когда он выступал в беседке Кшесинской. Сказали, что приедет и будет выступать какой-то Ленин. Какой-то Ленин... И народ стекается, и мама поехала. И видела. Микрофонов не было. Видела, но то, что он говорит там, не слышала.

- *Специально поехала смотреть на Ленина?*

- Да.

- *А была какая-то разница в отношении к Ленину и к Сталину? (перерыв в записи, мешает собака)*

- У меня, вроде бы, была. Я считала, что Ленин – интеллигент. Такой, до мозга костей. Но, оказывается, что Ленин-то тоже не интеллигент был до мозга костей, и Россию он не любил. Как сейчас я слышу по радио, что у него даже и русской крови-то несколько-то и нет. Мать была фрейлиной, а отец там тоже наполовину этот... наполовину кто он? Не казах, а... ну да, калмык. И, в общем-то, это все время в Цюрихе, и за счет чего они жили... А вот я еще передачу слышала, как Савву Морозова обобрала Андреева, Горького жена. Они же чуть ли не отравили его. Обобрали, какую-то махинацию устроили. Вы знаете это? Знаете?

- *Я слышала это.*

- Так деньги-то все пошли на революцию. Ну так, нельзя же так вести себя. А этот, Маркс, питался за счет Энгельса. А плакаты-то эти большие были: Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин. Четыре головы.

- *А вот скажите, Сталин как мог такое устроить? Кто вообще такой Сталин?*

- Не знаю, в народе вот говорят, что у него дьявольское копытце.

- *Дьявольское копытце?*

- Вы не слышали? Говорят. Я сейчас в основном питаюсь слухами по телевизору. У него на одной ноге сросшиеся пальцы. Так говорят – это дьявольское копытце.

- *Это сейчас говорят или раньше говорили?*

- Нет, раньше... попробуйте раньше сказать что-нибудь, раньше молчали больше.

- *Раньше боялись, да?*

- Конечно. И о Сталине анекдотов не было.

- *Никто не рассказывал?*

- Не знаю, может быть, так, иногда... Боялись все, боялись. Вот нам сейчас никому не понять, как это возможно, а все боялись.

- *А вы знали, что мама боится?*

- Я не знала, боится или нет, но, во всяком случае... все боялись.

- *А как мама ладил с соседями в коммунальной квартире?*

- Ну вот, плохо и ладил, вот они вот так ее и... тюкали.

- *Все время так?*

- Ну, не все время, но, во всяком случае, вот такие были провокации, как я говорила, что, мол, «Томуське потанцевать негде», комнату хотели. Но не получилось, видно, у них.

- *А вы думаете, они могли и донести, например?*

- А что на нас еще можно донести? Что можно донести-то?

- *Ну, я знаю, что. Придумывали даже какие-то бытовые поводы... Не обязательно связанные с политикой.*

- А, ну, не знаю, нет, еще не дошли до этого. Еще, может быть, они были не настолько сильны сами, чтобы упечь. А, был такой происк! Одна во дворе мне сказала что-то такое... Говорит: «Да, я вообще сторонница советских людей». Она в ЖАКТе работала, эта тетка, так что она все про меня знала. Знала, что отец, потому что она в ЖАКТе работала у нас. Ну, а я-то вижу ее насквозь. У меня тогда и реабилитация была, я говорю: «А у вас что, связь с границей? Вы имеете дело с иностранцами?» Она сразу заткнулась и исчезла. Но я ее напугала. Я говорю: «У вас что? Что значит «советские»? Я что, не советская? Я самая что ни на есть советская. Я со Светланой Сталиной, можно сказать, просыпалась!» Мне в школе это долдонили. Да, у этой у Светланы Сталиной тоже какая-то дурацкая смерть, как-то где-то там она в доме престарелых умерла...

- *Ну да, в общем, не заладилась жизнь.*

- Она там перебрала сколько мужей? Сколько их там было? Ну, у Сталина тоже нет семьи образцовой. Ну что, Аллилуева покончила с собой, это у него вторая жена, по моему. Первая, я не знаю, куда делась. Тут вот эту «Сагу московскую» показывают.

- *Я не знаю, не смотрю.*

- Ну, вот так... *(Вдруг замечает работающий диктофон)* Что ж вы меня записываете? Меня же посадят!
- *Кто вас посадит?*
- Ну, вот кто? Вот, сколько я вам наговорила, сколько...
- *Много интересно... Ну расскажите, а кто вас сегодня-то посадит?*
- Ну, вы же записали?
- *Да. Я предупредила Вас, что хочу записать Ваши рассказ.*
- Ну, потом все, потом меня посадят.
- *Ну, куда вас посадят?*
- Ну, я не знаю, куда, в Колыму, наверное, отправят. Если я сама не умру.
- *Когда?*
- Ну, в недалеком будущем.
- *Ну что вы, что вы...*
- Я ведь и спать спокойно сегодня не смогу...
- *Из-за того, что вы столько мне наговорили?*
- Конечно!
- *Ну, так я же из «Мемориала» пришла...*
- Ну... А, может, вы и не... не истинный «Мемориал»?
- *А что такое истинный «Мемориал»?*
- Ну, я не знаю... истинный... Ну, ненастоящий, может быть, такой... какой-нибудь теперь... Ну, нет, у нас все, у нас вся семья, и все, и деды, все патриоты, и все любили и любят только Россию, и... нет у нас никаких немцев...
- *А кто такие коммунисты тогда, откуда они вообще взялись?*
- Откуда я знаю?
- *Ну, как по-вашему?*
- Ну, как всегда, вот говорят, на поверхности плавает что? Вот они так и взялись... Конечно, погубили, сколько?.. Семьдесят лет? Семьдесят лет!.. Ведь Россия была одной из процветающих стран, в каких годах? В 1912-м?
- *Говорят, в 1913.*
- 1913. Ну, и что от процветающей страны осталось?...
- (конец записи за на стороне «А» кассеты №2)*
- ...обидно.
- *А мама что-нибудь говорила вам вот об этом или нет? В каком году она умерла?*
- Она умерла в 1975.
- *И ей было уже немало лет, да?*
- Да. Восемьдесят семь. Она 1888 года рождения. *(Собака опять начинает громко лаять, перерыв в записи)*
- *А потом уже, когда стало ясно, что папа погиб? В 1959 году уже вы поняли, что он не вернется?*
- Мне дали сначала свидетельство о смерти в 1941 году. Умер в 1941 году. Где-то у меня оно сохранилось.
- *А где умер, там написано?*
- Все прочеркнуто. Вот я и начала хлопотать, пускай бы мне сказали, где он похоронен, и где он умер. Начала добиваться. Ну и вот. Приезжали к нам, по-моему, из телецентра. В телецентр я ездила, на Чапыгина? И там записывали все, вот я там давала свои показания. Было такое?
- *Да, было там в каком-нибудь 1990 году, или 1989...*
- Да, было такое, я помню, я с работы отпрашивалась, было такое. А сначала, когда реабилитацию я еще не получила, он меня спрашивал: «Назовите тех, кто знает вашего отца?» Было так: звонок на работу. Я за кульманом сижу. У меня веселый характер, все время, ну, за мной многие ухаживали там мальчишки. Меня любили они разыгрывать.

Вообще, наверное, никто не знал особенно, что у меня отец арестован. Ну, всегда говорили, что «из КГБ вам звонят», разыгрывали, шутили. И вдруг меня к телефону. «С вами говорят из Большого дома». Я говорю: «Хватит, – говорю, – из Большого! Ну, еще раз позвоните из «Большого дома», – и повесила трубку. Опять. Опять, через несколько минут: «С вами говорит следователь». Я говорю: «Хватит вам трепаться. Хватит трепаться». Говорю, потому что я знаю, всегда разыгрывают. Даже примерно знаю, кто это... Опять повесила трубку. Третий раз, опять тоже я не стала говорить. Потом сижу, работаю. Меня вызывает начальник. Этот следователь позвонил моему начальнику, он нашел телефон начальника, и уже через начальника меня спрашивает: «Вы можете подъехать на Чайковского? Я вам пропуск спущу...» – «Могу, но я на работе». Я не знаю, какой разговор был у начальника моего с этим следователем до того, но начальник говорит: «Я вас отпускаю. Сейчас». Мы работаем на Харьковской, (Гипросантехпром). Я поехала. Приезжаю туда, он пропуск мне действительно заказан, по ступеням спускается человек, говорит: «Да-да, это я вас жду. Я – следователь. Пойдемте за мной». Поднялись на лифте на второй этаж, длинный-длинный коридор. В коридоре ковры, когда идешь, то не слышно. И двери, двери, двери, двери, двери. И он, наконец, останавливается у двери, открывает ключом. Заходите, говорит. Я сделала шаг и вступила во тьму. Ну, тьма, темно... Ну, конечно, у меня немножко поджилки-то трясутся: в Большом доме, да во тьму... Я сколько слышала, рассказывали, кто возвращался, вот и дядя Сережа вообще по Литейному не ходил... Он тогда мне говорит: «Откройте дверь вторую». У него тамбур, оказывается. У них сделан большой тамбур, чтобы не слышно. Действительно, открыла дверь. Я испугалась сначала. Открываю дверь – кабинет. Стол, окно, на окне решетка. На столе – пистолет лежит. На столе лежит прямо. Он говорит: «Садитесь». Я не знаю, по какому поводу меня вызвали. Ничего он не говорил. Ну, конечно, у меня поджилки трясутся. «Я по поводу вашего отца. Вы хлопотали?» Ну, тогда у меня немножко отлегло. Я говорю: «Да, хлопотала». – «А почему вы хлопотали, а не мама?» Я говорю: «Мама сказала, что у нее сил больше нету. Она не выдержит вот это все. Поэтому если хочешь, добивайся сама». Ну, вот он просил меня назвать, кто не родственники, остались. Вот я дядю Сережу, Сергея Ивановича, папиного товарища, и вот эту Шуру назвала. Еще кого-то называла, не родственников, остальные все же родственники. Он и спросил, было ли что конфисковано у нас. – Конфисковано у нас не было. Но вот тогда бы я могла сказать, что телефон взяли, но я не догадалась. А телефон как раз стоял у этого коммуниста. Если бы я тогда сказала, то мне, нам, маме бы вернули телефон. А там он бы добивался, как хочет. Может быть, он бы сделал его в коридоре или что, но у них в комнатах был наш телефон. Я не догадалась, и я сейчас об этом жалею. Но поезд ушел. Он чего-то мне велел свезти в исполком на Исаакиевскую площадь. И вот я э конверт с чем-то свезла на Исаакиевскую площадь. Вот такое было...

- *А вызывал он потом вашу няню, дядю Сережу?*

- Вот это я не знаю...

- *И потом вы у них не уточняли, да?*

- Нет. А они ничего не говорили. Но я сказала Сергею Ивановичу, что следователь вызывать может, что вот такое со мной было, что он спрашивал.

- *И как скоро потом уже появилась реабилитация?*

- Тоже не могу сказать. Я вот не могу сказать, что раньше было – реабилитация или вот такое свидание. Сразу у меня отлегло, потому что я хлопотала, действительно, всюду писала. Я писала все время на Ворошилова, Председателю Президиума Верховного Совета. Вот я запомнила, что раньше было...

- *А у вас хранится эта папка с письмами, запросами?*

- Нет. Много, там много было, все с уведомлением.

- *Не сохранили?*

- Нет, конечно.

- А кто-нибудь параллельно с вами занимался реабилитацией других людей или своих собственных? Вы с кем-то советовались?

- Нет.

- Мама рассказывала о поездке на Соловки? О Соловках рассказывала?

- Ну, рассказывала.

- А что?

- Она рассказывала, что их привозили. Он говорил: «Нас же возят, нас сопровождают с собаками». С собаками... Для них дико было, что идет охранник с собакой. Ну, потом он сказал, что если бы еще давали, все бы подписал, то, что на меня. Если бы эти комнаты стали продолжаться. Они теряли сознание в этих пробковых комнатах. И то, это мама не мне говорила, это я уже слышала то, что она говорила своим теткам.

- Как только вернулась или уже потом?

- Как вернулась. У них несколько свиданий было, она там чего-то ему испекла каких-то пирожков с черникой, сходила в лес. Вот, видите, 1937 год, наоборот, мы думали, что будет какое-то смягчение. В 1937 году свидания разрешили. А у них, видите, наоборот, разрешили свидания и тут же всех расстреляли.

- А скажите, она была в Кемь или на Соловки она тоже плыла? Не помните?

- По-моему, она говорила, что их привозили.

- В Кемь?

- Да. По-моему, так.

- На островах она не была?

- Я боюсь точно наврать, но, по-моему, я поняла так, что их привозили. Партиями привозили.

- А теперь вы знаете, да, где он похоронен?

- Теперь я вот это Сандармох.

- В Сандармохе под Медвежьегорском, да?

- Да, да.

- Вы там не были?

- Нет, нет.

- И дочка тоже не была?

- И дочка тоже не была. И я уже не могу, а дочку отпустить я уже тоже сейчас не могу. Но вот две фотографии этого места мне ваш начальник дал (*В.В.Иофе*), который умер, три фотографии – вот этот камень, тысяча сто одиннадцать человек, у него стоят зимой. И потом дальше вот эти кресты там. Он говорил, что он попал в первую партию. В первой партии было не только тысяча сто одиннадцать человек, там больше, да? Ну, еще были этапы? Еще расстреливали, да? И сколько всего?

- Да. Еще были этапы с Соловков. Потом на Соловках расстреливали в феврале 1938 года.

- Они шли пешком?

- Нет, их возили.

- И что, прямо без предупреждения, прямо брали и вызывали, и...

- Нет, я думаю, что им зачитывали приговор накануне.

- Да? Какой ужас... я вообще... часто вот не заснуть, я вот вспоминаю... Какой он ужас пережил... А вот когда арестовали, приходил тоже какой-то кгбшник к нам, ну, какой-то, я не знаю, который, говорил, что сначала они сидели в Крестах, свидание устроил. А свидание заключалось в том, что мама со мной приезжала во двор, а папа смотрел из окна. Я маленькая, я не видела, просто мне говорили – давай в пятнашки тут поиграем, ну, я и играла в пятнашки. А потом кто-то еще рассказывал, что он сидит в камере, на корточках, и поет арию Каварадосси из «Тоски»: «Никогда я так не жаждал жизни»... Вы знаете эту арию? Там герой в «Тоске» тоже в тюрьме сидит. Хорошая ария. Послушайте. Сидит на корточках и поет «Никогда я так не жаждал жизни»...

- *А кто это рассказывал?*
- Ну, вот кто, я не знаю. Кто-то, кто видел его, что сидит на корточках в тюрьме, в углу.
- *А следственное дело его вы не читали?*
- Не читала. Я боюсь. Боюсь, что мне будет плохо. Можно сейчас читать?
- *Можно.*
- Я хотела этого уфимского брата подключить к этому делу, поехать с ним, почитать, ну, вот он заболел, сейчас у него тоже со зрением плохо, он не может. Вот этот, которого привезли из Франции, Даниил, на французенке который женился. На мамини поминки я ее попросила: «Катя, купи мне водки в магазине». А нет водки, мы просто ездили на кладбище. В Пушкине мама похоронена. Я просила: «Купи водки, чтобы мне не возить из города». Я везла блины, вот это все. «Нет, я не могу, мне стыдно водку покупать. Человеку восемьдесят лет – ей стыдно водку покупать. А Нина смеется и говорит: «У меня уже в пять лет дети умели открывать вино». Там совершенно другое воспитание. Она говорит, что в школу ей давали завтрак какой-то и бутылочку вина. Ну, конечно, не крепленого вина, может, виноградное какое, но бутылочку. Вот это французское воспитание. Но я... я с ней долго не могла, она меня раздражала. «Ха-ха-ха, ха-ха-ха, что мы будем пить за обедом? Какое мы купим к обеду вино?» А у меня даже не всегда и деньги-то были, чтобы купить еды к обеду. *(перерыв в записи, лает собака)*
- *А вы не выезжали из Ленинграда в блокаду?*
- Нет. А нам некуда было ехать, у нас никого в деревнях не было нигде, все вот, все коренные петербуржцы, и никого нигде нет.
- *Всю блокаду?*
- Всю блокаду. Через трупы перешагивала, по лестнице. Уже лежали, некоторые еще живые, надо было перешагнуть, чтобы в квартиру попасть. Очень ужасно...
- *А вы не помните, не слышали о каких-нибудь арестах во время блокады?*
- У нас наверно соседку арестовали. Наверно Горяинова такая жила. Наверное, за язычок.
- *Горейнова?*
- Горяинова. Да. Ну, говорят, за язычок.
- *В каком смысле «за язычок»?*
- Ну, «за язычок» – наверно, чего-то сболтнула не так. Вот это вот я слышала, ее арестовали, потому что ее на стало. А так – нет, не слышала.
- *Никаких немцев вокруг, финнов, например, ну, с каким-то финскими, немецкими фамилиями людей – не было?*
- Не было, у нас не было. Мы – Киржаковы, Захаровы, Гордовы...
- *Дурнякины...*
- Дурнякины, да. Нет, нет... Блюменталей у нас не было. *(перерыв в записи)* ...был Шмидт, Шмидт был. Шмидт – это Антонов-то, муж тети Зоин, у него, тети Зоин, вот которая уехала в Париж, а потом вернулась, у него сестра замужем за Шмидтом. Она Антонова урожденная, а замужем за Шмидтом. А Шмидт этот держал колбасный магазин против Гостиного двора, «Колбасная Шмидта». Помните, был там же колбасный магазинчик, я не знаю, сейчас он сохранился или нет?
- *А, там был отдел Елисейевского, да? Не сохранился.*
- Сейчас Оля меня провозила по Невскому: что делается, все вверх ногами. Где...
Еще говорили:
- «Где пиво пили наши предки,
- Там красная звезда горит,
- И о победах пятилетки
- Сам Сталин сказки говорит.»
- *Это каких времен стихи?*
- Ну, это давнишнее, это еще Сталин был жив.

- А откуда вы это знаете?

- Ну, Господи, – языки... Ну, как откуда анекдоты знают?

- А вы все-таки знали анекдоты?

- Ну, вот такое вот было. «Под звуки...» – это был какой-то там беспорядок с водопроводной канализацией, затопило Мавзолей. Тоже, говорили:

«Под звуки пушек и мортир

Спустили Ленина в сортир». Мортир – это тоже пушки. «Спустили Ленина». Вот такие стишки. Вот такие стишки ходили. А так, чтобы анекдоты очень-то... не чень как... *(перерыв в записи из собаки)* Потом, это самое:

«Калина-малина,

Мы поймали Сталина,

В жэ [жопу]... пороху набили

И опять гулять пустили».

- А это какого периода? Военного?

- Может быть, довоенного. Я хочу сказать, в войну он все-таки немножко себя как-то так более или менее реабилитировал. Потому что вот как бы «За родину, за Сталина» вроде бы... Ну, приписывали ему победу. Что он вложил, конечно, я не знаю, может быть, железной дисциплиной нашей, и был эффект победы. Потому что дисциплина-то была, не то, что сейчас. Сейчас-то разболтанные все, когда кончится это... это либеральничанье с этой с Чечней... Ничего с ней поделать не могут.

- А скажите, пожалуйста, было такое ощущение, что в войну стало свободней немножко?

- Нет. Никакого ощущения такого не было, потому что в войну лишь бы только не валились бомбы и было бы что на столе пожрать, и все. И, казалось бы, рай. И, казалось, рай.

- Но страх ареста, страх репрессий – его же не было такого?

- Как-то вот... ну, боялись анекдоты рассказывать, анекдоты и не ходили. Ну, не знаю... нет, не было.

- Не было? А такое чувство самостоятельности какое-то появилось, независимости?

- Ой, нет, этого не было. Нет. Независимости... независимости и сейчас нет. Куда я, независимая, пойду, когда я завишу же?

- Но сейчас это связано с вашим физическим состоянием, а раньше?

- Ну, а что свобода? Мне надо, чтобы обрести свободу, мне нужен какой-то доход. Чтобы получить доход, я должна как-то была скопить. А то, что было накоплено дедами – у нас все же отняли. У нас же все ограбили, все же отняли. Нам каждому дали по клетке. У нас была и дача была, у дедушки была...

- А где?

- В Павловске, элитное место. И царь проезжал мимо. И даже другой раз, вот мама говорит, что, проезжал царь... А у них дача как раз вот тут по дороге была, а царь, Николай II, проезжал на ферму. А там ферма была в деревне Тяглево. Держали стадо, свое стадо, и бык там был страшный такой, и вот ферма была молочная. И эта ферма сейчас сохранилась, только там, по-моему, сделана база однодневного отдыха, я не знаю, будут восстанавливать ее как ферму. Я хочу сказать, эти девушки молоденькие, в кокошниках, в русской одежде подавали варенец там и сметану. И вот царь вот ездил, Николай II, другой раз завтракать туда. Ну, или полдничать, или завтракать. Вот этот путь он проезжал мимо киржаковской дачи. А у Киржаковых была дача на углу, и скамейка была. И всегда – у них одиннадцать человек, большая семья – всегда на скамейке кто-то. Или с поезда ждет кого-то, ну, всегда там народ. И тут у них дети заболели корью. Никого нет. Никого нет, ну, все прикованы, это самое, не до скамейки, потому что раньше от кори никаких вакцин не было, это в тяжелой форме проходило. И вдруг мама смотрит в окно... А охраняли Николая II казаки. Казачий там был какой-то отряд, телохранители. Смотрит, по саду

гуляет казачок. Она высовывается туда и говорит: «В чем дело?» Сад свой. А он говорит: «Велено спросить, почему никого не видно?» Значит поинтересовался, прислал казачка – почему никого нет. Ну, они были купцы... Например, Дурнякин был, ездили на ярмарки, представляли свою продукцию русскую, демонстрировали. И вот какое-то у нас было пальто, еще Ольге [дочери] переделывали, английское, Лейпцигская ярмарка была. Это из Лейпцига, а еще где-то была, в Лондоне или где-то, вот это вот пальто он на ярмарке купил, он ездил. Продукцию свою российскую представляли. А у дедушки Киржакова, он рыбой торговал, и магазин у него был большой, угол Садовой... и на углу Разъезжей и Марата, в Стасовский рынке, знаете вот, с колоннами, белый? Сейчас там мебельный магазин.

- Уже нет его там.

- Уже нет, а что там сейчас?

- А сейчас как раз вот рынок какой-то, там розничная торговля, что-то такое.

- Вот у дедушки там был большой магазин рыбный. А по Волге у него были бригады, которые на него ловили рыбу. И в Астрахани и там по Волге, все вот эти для Киржакова оттуда поставляли рыбу. И вот, а как-то пишут эти рыбаки, их бригадир, что они приедут в Петербург. Дедушка встревожился: приезжают рыбаки, надо бы им показать все в Петербурге, достопримечательности. А у них семья была, достаточно интеллигентная семья-то была. Они любили все музыку, и все занимались... ну, все играли почти что на рояле, на фортепьяно, у них была по пятницам или по субботам куплена ложа, каждую субботу или там в пятницу, я уж не знаю, какой-то день можно, какой-то нельзя, а в Великом посту надо спрашивать, кажется, можно ли пойти в театр – строго их отец держал. Значит, ложа была куплена, целиком. Семья большая, обязательно кто-то наберется.

- В Мариинском театре?

- Да, в Мариинском театре, они поклонницы был Собинова, Шаляпина, там еще пел, Ершов, и Ксешинская танцевала, в общем, они все были в искусстве. И вот дедушка говорит: надо их сводить в Мариинский театр, надо взять оперу какую-нибудь русскую, чтобы им было понятно. В общем, на «Хованщину» повели этих рыбаков. А там же – ложа, и перед ложей аванложа, там можно причесаться, там стол, диванчики есть, привести себя в порядок. Не знаю, как сейчас уже, я забыла, но, по-моему, диванчиков уже таких с зеркалами нет, но какая-то комнатка перед ложей есть. И что вы думаете? Они отсидели первый акт. Им показалось скучно. Они пошли в эту в аванложу, у них было с собой, выпивка. Они там выпили и стали петь песни. И дедушка в ужасе: «Голову сняли! Из киржаковской ложи доносились песни! Ужас!» Мешали, значит, опозорили. Они долго не рассуждали. И пошли. А им показалось скучно. А вы знаете такого артиста Собинова?

- Да, в общем, да.

- Знаете? Вот мама поклонница была его. И уж когда Собинов поет, они обязательно в театре. И весной, я не помню, по-моему, «Лоэнгрин» вот эта шла опера, знаете «Лоэнгрин», это «Кольцо Нибелунга»? Вот «Лоэнгрин», значит, и... значит, Анютка приезжает, этот говорил, Павел, младший брат, значит, а мама была на даче. А мама была на даче, значит, ну, они там встретились, в ложе, все, значит, он поет, там все рукоплещут, потом уже, значит, как бы, конец, к концу, там его уже забрасывают цветами. А уже весна, мама говорит, и она набрала вот таких вот... ветреница, знаете, вот такие беленькие, вот эти, ну, вот несколько лепестков, вот такие. Она вот этот букетик везла к себе домой, поставила в аванложу, она прямо с дачи в театр поехала. Поет, ура, бис, bravo закричала, все-все. Потом вдруг он соскочил, бежит, этот букетик хватает, мама, у нее какое-то платье было с бантиками, и срывает этот бантик, завязывает этот букетик этой ленточкой, пишет записку и бросает. Там ему бросают розы, и все, и вдруг среди роз он видит этот букетик с подснежниками. И он так, говорит, из ложи даже, откинул и взял этот букетик. Она говорит: «Я думала, Павел, мой брат, я за ноги его держала, я думала, он вообще выпрыгнет из ложи, с моим букетом». Мама говорит: «С моей лентой!...» Были

счастливы. Бабушка очень любила музыку. Говорила: «Дети, если вы будете петь, будете играть и петь?» – Будем. – Ну, я тогда посижу. А то пойду молиться». Вот так. Большая была, хорошая, интеллигентная семья. И уважали отца все и вот даже мама была замужем и то, другой раз спрашивала разрешения, папаша, вот, как вы на это смотрите, если я чего-то куда-то туда... По Волге они ездили, старшая сестра... в ресторане они, они всей семьей сидят в ресторане, они по Волге ездили на пароходе. Сейчас же у нас все, сейчас все это самое, безобразие, полуголые все, потные, полуголые, и тут (*показывает на грудь*) вот чем больше шерсти у мужчин, тем лучше. А она говорит: мы сидим в ресторане, и вдруг спускается мужчина, у него а-паж [*рубашка*], и тут черные волосы у него. Мамину старшую сестру стало рвать, она ушла, ей противно было. Смешные. Видите, как меняется вообще все, все меняется, да? И даже вот я смотрю, я доживаю свою жизнь, а Оля уже совсем другая.

- *А она знает вот о семье, вы рассказываете ей, много?*

- Нет, она не хочет особенно слушать. Она не хочет даже мои блокадные воспоминания слушать, ну... как-то ей это до лампочки.

- *А кем она работает?*

- Она кончила Политех, физмат при Университете, работает риэлтером, по продаже квартир. Потому что там сто восемьдесят раньше было, или сколько-то, денег-то нету у этих, у организаций-то, все умирают.

- *Она замужем?*

- Нет. Сорок два года, вот тоже вот мой крест. Не устроенная...

- *Но она с вами живет?*

- Со мной. Ругаемся часто. Звонит, как кто-то звонит по телефону и говорят, что... значит, ой, она говорит, Оля – мы с мамой ссоримся. А, ну, там, видно, спрашивают – а как ссоритесь-то: А я Олю в тридцать два года родила. Ну, я уже была «престарелая первородящая». Ну, вот это вот влюбилась в подводника... Ну, до подводника у меня были поклонники, ну, и даже не поклонники, больше, чем поклонники.

- *Есть у Вас фотографии Ваши с папой?*

- Наверное, последний, может быть, даже и не снимались... Вообще есть фотографии – вот я сижу у него на коленях, и уже мне года два, ну или так года два с половиной, вот такая есть фотография. А есть вот этот, тетя Зоя там, папа, и дедушка, и бабушка – вот такие вот фотографии... Есть фотографии дореволюционные. Да, тетя Зоя там медсестрой, они же все, вот эти все пошли на фронт, вот эти, прапорщики, офицеры, а эти все пошли в этот... в госпиталь, все в госпиталь. Мама не пошла, потому что у нее был сын годовалый, он 14-го года. А эти все тетки, все, они вот в этих... В косынках все в сестринских... Все сестрами пошли. (*перерыв в записи из-за собаки*)

- *Подождите, я не поняла, как вас арестуют, кто вас арестует?*

- Ну, мало ли, придет... ну, что у нас нет... у нас, что нету этой, защиты, КГБ нет...

- *Нет, вы уж спите спокойно, никто к вам не придет, не бойтесь.*

- ...наговорила, еще куплеты про Сталина, ну, про Сталина-то ладно, сейчас больше говорят уже, больше, чем я знаю. Вот вы смотрите эту сагу?

- *Сагу я не смотрю, у меня не получается по времени...*

- Вот они это все, все вот это показывают.